

УДК 159.9.07 + 615.851

ТАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В МЕЛОЛИЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ (Статья вторая. Продолжение)

А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

Рассматривается тактическая реализация коммуникативных стратегий в мелодийной психотерапии. Автор приходит к выводу, что формирование типологии техник является весьма непростой задачей, поскольку достаточно редко встречаются случаи проявления однозначного соответствия между конкретной стратегией и техникой как инструментом её реализации.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, мелодийная психотерапия, интеракция, тактика, адресат.

*От одного пламени можно
зажечь миллион свечей.*

В первой статье было показано, что реальность психотерапевтической коммуникации позволяет выделить набор существующих в психотерапевтической практике описаний техник (тактик), которые можно использовать в мелодийной интеракции для реализации стратегии–1.

2. Реализация стратегии–2, используемой для создания вербальной «личной мифологии» («вербального мифа личности»), призвана раскрывать роль преобразованных, вербально проживаемых или прожитых сценариев / конструкторов жизни индивида как в форме «принуждающих нарративов» (coercive narratives, в трактовке Ж. Мори), так и «побуждающих макро- и микронарративов» или «великих и малых рассказов» с целью оценки и преодоления чувств неуверенности и неполноценности, которые (сценарии / конструкторы) могут возникать по различным поводам, варьируется, как правило, в пределах использования следующих техник: «поощрение», «поддержка» (в виде вербальных маркёров «да, да-да, конечно же» и т.п.), «повторение», «прояснение», «самораскрытие», «директива».

2.1. В психотерапевтической интеракции техника «поощрение» рассматривается как минимальное средство для поддержания изложения клиентом / адресатом собственной истории, которое выступает в качестве подтверждения высказанного им и определенной гарантии (обязательства) обеспечения плавного течения беседы. В манифестационном плане техники поощрения формально представлены

в виде *высказываний-утверждений*, которые функционально демонстрируют признание, подтверждение и понимание сказанного или отражённого в виде обратной связи собеседником (клиентом, адресатом). Поэтому техника поощрения есть то средство, при помощи которого собеседнику демонстрируется включенность автора в интеракцию и понимание реакций адресата. Вербальными маркерами могут служить короткие реплики автора вроде «Ага», «Угу», «Так», а также короткие подтверждающие фразы типа «Я понимаю» или «Да-да, продолжайте». Психотерапевтические техники поощрения могут быть представлены и другими образцами, например: «Укрепи тебя, Господь, на пути твоём крестном»; «Пой хоть фальцетом, хоть басом – Дух дует, где считает целесообразным»; «Но куда спрячешься от всевидящей инквизиции? Проявятся однажды страхи, амбиции, не лучше проявиться бы?»; ср. также: «Не могли бы Вы более подробно рассказать о Ваших отношениях» или «Продолжим дальше нашу беседу».

При использовании данных техник следует придерживаться меры поощрения, так как чрезмерное использование психотерапевтических вмешательств поощрения может вызвать либо раздражение, либо определенный скепсис, что ставит автора, использующего такие техники, в неловкое, а иногда даже и смешное положение.

2.2. В психотерапевтической мелодийной интеракции технику «поддержки» можно рассматривать в качестве функционально-семантической разновидности техник «поощрение». Ср.: «Продолжай вести по тропам нехоженым, обожай в пустыне, обоживай»; «Лучше добрая литургия на помойке, чем жестокая трапеза и скипетр жестокий»; «Не ори, птичка-душа, остервенело в когтях коршуна-Люцифера. Ходи тропую нехоженой, прощай и обоживай».

2.3. Использование техники «повторение» для реализации стратегии–2 в мелодийной психотерапевтической интеракции обусловлено семантическим наполнением данного вида психотерапевтического вмешательства, так как повторение представляет собой практически буквальное воспроизведение уже сказанного (высказанного, помысленного) клиентом-собеседником.

В этом смысле «повторение» как возврат к уже высказанному может также являть собой избирательное акцентирование определенных или наиболее значимых, с точки зрения инициатора, элементов его сообщения. Именно возвращение (возврат) сказанного создает у собеседника (адресата, клиента) ощущение, что консультант-инициатор пытается понять, осознать и прочувствовать именно то, что было обозначено и выражено им. Важным является и тот факт, что техника-повторение фокусирует внимание собеседника на его же собственном

сообщении, предоставляя своему партнеру возможность обдумать и глубже осознать дополнительные значения в сказанном, чтобы выразить ещё невысказанное.

Чаще всего практикуется использование наиболее распространенного варианта техники – повторение, когда инициатор повторяет только последние слова или слова ключевой фразы высказывания собеседника, часто с вопросительной интонацией, реализуя фазу присоединения, подстройки. Кроме того, повторение последних слов или ключевой фразы адресата рассматривается им как нечто незаконченное, незавершенное, чем-то вроде предложения, приглашающего и тем самым побуждающего собеседника завершить начатый разговор.

При этом нужно иметь в виду, что при использовании техники повторения определенную роль играет интонация, которая должна находиться в корреляции (соответствовать, отражать) с эмоциональным контуром (окрасом) ответных «шагов» (сообщений) собеседника. Здесь также важен подбор лексики, которую использует консультант-инициатор (автор) для создания соответствующего эмоционального резонанса, чтобы они не казались адресату сухими, шаблонными, казенными и безучастными. Например: *«Поддай им, Царица, уделы Серафима и Евфросинии и грехи непростимые щедро прости им, подвижникам покаяния и бдения, достигшим ступени мысленного преосенения»*. При повторении отдельных слов возможно возникновение пауз, которые нередко подразумевают вопросы. Поэтому вполне допустимо в процессе реализации стратегии–2 сочетать техники «повторение» с уместными вопросами, ср.: *«Мы священные литурги, а не космические демиурги. Мы не лепили этого мира проклятого, мы проходим в нем по ведомству святого Инкогнито. Кто их знает, помазанники они или воры? Кто их знает? Подожди, откроется скоро»*.

2.4. Техника-практика *«прояснение»* сходна в функционально-семантическом плане с вышепоименованной техникой «повторение», так как прояснение есть возвращение в более сжатой (откорректированной, ясной обоим участникам интеракции) форме к содержательной стороне речевых практик (выражений) своего собеседника или адресата. Как правило, коммуникативно-функциональная направленность техники «прояснения» сводится к сверке понимания инициатором (консультантом) содержания сообщений собеседника и одновременному контролю за логикой его рассуждений, его пониманием своего собственного внутреннего мира и реакций на взаимодействие с внешним миром. Поэтому нередко в психотерапевтической литературе эту технику называют «сверкой восприятия».

При использовании инициатором-консультантом данного психотерапевтического приёма (техники) важно сформировать чёткие рамки взаимодействия (т. е. «фокус» с конкретными границами пространства, конкретный контекст), способные сконцентрировать внимание собеседника-адресата на тех или иных моментах, подлежащих прояснению, с целью как можно точнее конкретизировать их. В специальной литературе нередко отмечается, что использование техники «прояснение» дает возможность собеседнику как бы со стороны (отстраненно) посмотреть на свои действия, поступки, чувства, ощущения.

Применение техники «прояснение» необходимо, если у инициатора возникают ощущения какой-либо неясности, недоговоренности и неопределенности в коммуникативных (вербально-авербальных) практиках со стороны адресата или же при возникновении и наложении на основное содержание таких практик посторонних и малозначимых деталей. В этом случае уместно применение упомянутых раньше техник вопроса для выявления определенных деталей, например: *«Что вы имеете в виду, когда говорите...?»*, *«Правильно ли я понял, что... / Насколько я понял, вы рассматриваете события таким образом, что ...»* или *«Вы можете меня поправить, если я вас не так понял...»*; также: *«Другими словами, вы считаете, что»*.

2.5. «Самораскрытие» как психотерапевтическая техника также широко используется инициатором-консультантом при реализации стратегии–2. Применение этой техники в мелодийной психотерапевтической интеракции уже обсуждалось выше. Однако в данном конкретном случае её применения отличается той особенностью, что самораскрытие позволяет «теснее привязать» собеседника-клиента к тематическому пространству беседы и к личности инициатора-консультанта на основе демонстрируемой им общности испытываемых чувств или желаний, возникающих идей или фантазий. В этом кроется имплицитная сторона суггестивного влияния и воздействующего убеждения личности инициатора-консультанта, так как он демонстрирует на собственном примере возможность преодоления существующих трудностей и показывает перспективу достижения идей и желаний.

В процессе использования данной психотерапевтической техники инициатор-консультант может встретиться с ситуацией, когда адресат начнёт задавать вопросы, которые не соотносимы с тематическим пространством разговора: *«Вы давно женаты?»*, *«Сколько у вас детей?»* или *«У вас много друзей?»*. Примечательно, что частые вопросы собеседника могут служить сигналом инициатору, чтобы он либо переместил фокус внимания своего партнера, либо меньше оставлял пауз, во время которых собеседник испытывает определенный

дискомфорт. В этом случае вопросы клиента-адресата есть демонстрация желания избежать такого дискомфорта.

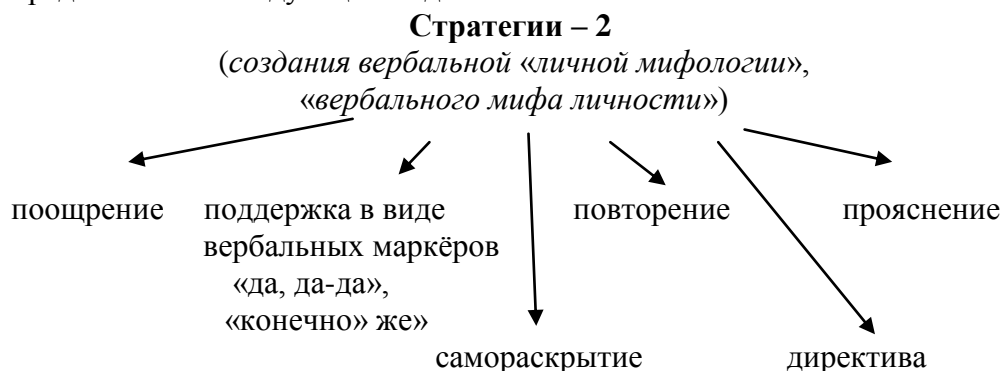
2.6. Техника-практика «*директива*» наряду с психотерапевтическим вмешательством «вопрос» относится к наиболее распространенным типам коммуникативных приёмов вовлечения адресата в процесс исследования, интерпретации и модификации авторских (собственных) ощущений, чувств, когниций или поведения. В процессе реализации стратегии–2 техника «директивы» является каузатором, причиняющим и побуждающим началом, способным выступать в качестве регулятивного предложения (директивы) собеседнику предпринять некоторые действия в рамках сценарного фрейма психотерапевтической интеракции или выражать готовность к совместному (согласованному) решению определенных заданий в промежутках между действиями. Например: *«Великим Своим заступлением гнев Божий от нас отверти, - Идущих путём заблуждения На истинный путь обрати»; «Воззри на нас, Матерь Всепетая, Нам милость Свою сотвори, И мглой души наши одетые Лучами любви озари».*

Как установлено, аффективный (аффицированный) «заряд» директивы в функционально-семантическом и прагматическом плане достаточно широк: от жестких приказаний, запретов, инструктивов и советов до мягких наставлений, просьб и мольбы [3, с. 37- 42; 12].). Поэтому директива как вид психотерапевтического вмешательства обусловлена широкой концептуализацией проблем массового адресата (клиентов) с вытекающими из этого конкретными и типовыми терапевтическими целями. Известно, что в различных направлениях психотерапии разрабатывались специфические техники для работы с конкретным типом проблем. Так, например, в процессуально-ориентированной терапии для работы с телесным симптомом эффективно применяется метод амплификации, а в поведенческой терапии в качестве средства воздействия на провоцирующие тревогу стимулы был разработан метод «систематической десинсибилизации» [19].

Примером использования техники директивы в мелодийной терапии является широко практикуемый в гештальттерапии метод эксперимента, который при необходимости специально организуется ведущим (консультантом, исполнителем, автором) в рамках вытекающей сценарной темы (мифологемы) коммуникативной интеракции, находящейся (или проявляющейся) в фокусе конкретного взаимодействия на фоне специфики семантико-прагматических пресуппозитивных координат «Я – Ты / Вы – Здесь – Сейчас» (подробнее о роли и значении таких координат в социальной дискурсии см.: [3, с. 98-114]).

Используя данный метод в мелодийной психотерапии, важно иметь в виду, что в терапевтическом фокусе может оказаться любая сфера человеческого функционирования (любой сценарий его жизнедеятельности) и любая Я – модальность его опыта: мысли, желания, сновидения, фантазии, ощущения и т.д., в отношении которых в терапевтических целях используется «определённый тип терапевтической манипуляции». В этой связи представляется справедливым замечание Дж. Зинкера о том, что такая терапевтическая манипуляция выполняет одну из главных своих целей – углубить контакт с теми или иными характеристиками (аспектами, свойствами) личности собеседника для того, чтобы помочь ему обрести новый опыт. Автор также подчеркивает, что большинство таких экспериментов обладают одним общим свойством поощрять (каузировать, «подтолкнуть») клиента (собеседника, адресата) выразить себя в поведении (ср. с функциональной спецификой «принуждающих нарративов» – coercive narratives в трактовке Ж. Мори или «интерактивных побуждающих нарративов» у А.А. Романова [5; 7]).

Общая схема соотношения стратегии-2 и техник её реализации представлена в следующем виде:

3. Стратегия – 3 (выработка трансперсональной перспективы выхода за пределы личности адресата как основы мировоззрения) предназначена для поиска и выработки субъективно истинных, трансперсональных мифологических образов, например, образов «справедливого человека», «человека, любящего всё живое», «человека прощающего», «человека, живущего по библейским заповедям» и т.п. В этом плане названную стратегию можно рассматривать в качестве разновидности, функциональной спецификации оговоренной выше стратегии – 2. Такая спецификация отражается в использовании следующих терапевтических техник-практик «конфронтации», «интерпретации», «суммирования», «директивы-советы», «убеждения».

3.1. Техника **«конфронтация»** представляет собой реакцию автора-исполнителя, выражающую противостояние реальным или предполагаемым действиям адресата, которые он еще не осознаёт в полной мере или не стремится подвергнуть их изменению. Другими словами, техника конфронтации являет собой особую разновидность аттракции, своего рода привлечение внимания собеседника к его собственному поведению, к своим действиям, которые он не стремится эксплицировать, избегая тем самым выявлять и демонстрировать несогласования, противоречия и расхождения между различными элементами его психического опыта и когнитивным «горизонтом» индивида.

В ходе реализации данной практики автор-исполнитель может не опасаться возникновения конфронтационных моментов в интерактивном обмене, потому что по своей природе психотерапевтическая конфронтация не подразумевает враждебных действий между собеседниками и противостояния их друг другу. Применяя указанную технику-практику в функциональном объёме стратегии –3, конфронтация может быть контрарной по отношению к невротическим эскападам и уловкам адресата-клиента и тем самым являть собой не просто определенный вызов («экспликацию») таким проявлениям, но и служить призывом («директивой») к адресату теснее интегрироваться в психотерапевтический процесс.

Вербально техника конфронтации опирается на оборот речи, состоящий из двух структурных частей: *«С одной стороны, Вы говорите ...(что...), но, с другой стороны, Вы выражаете ...»*. Ср., например: *«Хотя бы трижды травили меня в духовной коллегии, не откажусь я от привилегии исповедовать Христа за пределами Странника с обжигающей слезой помазанныка и Богоматерь не с елизаветинским профилем птичьим, а Мати премилосердную»*.

Обращая внимание адресата на высказанную им фразу, автору-исполнителю целесообразно не эксплицировать оценочный компонент той или иной её части, давая тем самым адресату определенный простор для поиска и осознания противоречия в его словах, суждениях или действиях. Рассматривая приведенный выше пример с фразой адресата, отметим, что первая часть его фразы *«Хотя бы трижды травили меня в духовной коллегии»* может трактоваться как некоторое сообщение или утверждение о нереальном (гипотетическом) его испытании на веру, подобному инквизиционной пытке, а другая её часть, которую можно начать с контрарного «но», указывает на некоторое несоответствие в ней двух последующих фрагментов: *«не откажусь я от привилегии исповедовать Христа за пределами Странника с обжигающей слезой помазанныка»* и *«не откажусь я от привилегии исповедовать (т. е. буду исповедовать) Богоматерь»*, но буду исповедовать только *«Мати*

премилосердную», а не каноническую Богоматерь «с елизаветинским профилем птичьим», словно каноническая Богоматерь не является «премилосердной». Примечательно, что если дополнительно использовать технику вопроса сразу после обнаруженного противоречия, то можно снять или смягчить категоричность обозначенного вызова.

Приведенный пример дает основание полагать, что противоречие у адресата может быть между словами и фактическим поведением, между словами и делом, между вербальным и невербальным поведением, между фантазией и реальностью. Кстати, данный пример показывает также, что у адресата имел место вызов несоответствию между образом («стойкого в вере») и его интерпретацией «да, но», т. е. «вере» в Богоматерь, но только при определенном условии, упуская из виду, что вера существует без каких-либо условий.

3.2. Техника *«интерпретация»* как терапевтическое вмешательство, базирующееся на принципе *«в дополнение, а не вместо»*, раскрывает процесс придания дополнительного значения и нового смысла суждениям и поведению адресата. И на основе указанного принципа возникает новое объяснение тем или иным внутренним переживаниям или внешним событиям адресата. Также, помимо нового объяснения, одновременно происходит процесс связывания и формирования между собой каузальных цепочек разрозненных информационных посланий, идей, эмоциональных реакций и поступков [6]. Посредством такого связывания осуществляется выстраивание (структурирование) определенной каузальной (причинной) связи между психическими явлениями.

Не следует думать, что придание дополнительного значения и нового смысла посредством процесса интерпретации может означать раскрытие «абсолютного откровения» и фиксацию «абсолютной истины», так как интерпретация отражает лишь попытку приблизиться к пониманию обсуждаемой проблемы. В этом процессе автор-исполнитель стремится осмыслить специфику проблемы и сообщить своему адресату в различной – от гипотетической до нарративно-констатирующей – форме не вполне осознанные адресатом связи, цепочки и стоящие за ними возможные следования, которые причиняют (являются причиной, каузируют) те или иные формы поведения и события.

Поэтому техника интерпретации может функционально рассматриваться и как процесс связывания и объединения инициатором различных элементов опыта адресата. Её применение особо эффективно в тех случаях, когда у автора-исполнителя возникает необходимость связать или совместить уже высказанные адресатом сходные фантазии, идеи, эмоции или повторяющиеся смысловые отрезки. Эффективно

также связывание тех или иных проявлений в настоящем с элементами прошлого опыта собеседника. Целесообразно, учитывая, чтобы авторская интерпретация в качестве дополнительного смысла не расценивалась бы адресатом как категоричное утверждение, как истина в последней инстанции, как уже готовая и категоричная инструкция. Любая интерпретация будет приниматься легче адресатом, когда она выглядит как допущение, которое можно скорректировать или отвергнуть.

Следовательно, для выражения специфики авторской интерпретации в конструктивном оформлении желательно присутствие вводных элементов «возможно», «вероятно», «быть может», «осторожных» или «нестрогих» вопросов, отражающих совместный интерес к интерпретирующему содержанию, например: *«Разве мы не можем спросить себя о?»* или *«Мы можем себя спросить / подумать»?* Ясно, что осторожные вопросы – это ненавязчивое предложение (мягкое побуждение) собеседнику высказать собственное мнение или собственное видение ситуации, ср.: *«Есть ли у Вас предположение, какова цель этого шага?»*

Примечательно, что подобные вопросы формируют у собеседника интерес к самоанализу сложившейся ситуации, исследовательскую установку на понимание отдельных компонентов ситуации. И чем больше адресат будет развивать способность к самонаблюдению и интерпретации, тем больше у него появится вероятность использовать самоанализ в качестве средства решения проблем.

3.3. «Суммирование» как психотерапевтическая техника есть высказывание, которое в лапидарной вербальной форме аккумулирует все основные идеи, высказанные в процессе терапевтической интеракции, и устанавливает (структурирует, расставляет по ранжиру) в определенной последовательности узловые моменты беседы, подытоживая достигнутый в беседе промежуточный результат или результат всей беседы, целого ряда встреч.

Тактика суммирования также является одним из способов контроля за поведением адресата вообще и его вербальным поведением в частности. Так, например, суммирование претензий, возражений или жалоб собеседника позволяет вычлениить зону коммуникативного рассогласования между участниками психотерапевтической интеракции, что дает инициатору возможность маневра для перехода к другому этапу взаимодействия или же вернуться к рассогласованиям с целью их прояснения и устранения.

Кроме того, техника суммирования упорядочивает структуру общения, акцентируя внимание на существующую последовательность разговора, ставит заслон повторам, переспросам и экономит время

«активного» слушания собеседника. Особенно это имеет важное значение в ситуациях, когда происходит (или готовится и осуществляется) «запуск» этапной реализации стратегий ступенчатого (последовательного) преобразования адресатом всего многообразия его собственных энергий для смены фундаментальных предикатов (канонических мифологем) способа человеческого существования [7; 17-20].

Следует также подчеркнуть, что названная техника способствует развитию навыков рефлексии у адресата, что при продолжительных встречах или тематических выступлениях позволяет эффективно выстраивать линию на согласованное взаимодействие и не тратить время на вводную часть каждой из встреч. Реализуя технику суммирования, автор-инициатор демонстрирует своё внимание к адресату, показывая, что он слышит, уважает и учитывает мнение своего собеседника.

3.4. Психотерапевтические директивные техники «*совет*», «*рекомендация*» (также: «директивы–советы», «совет–рекомендация») в функционально-семантическом плане представляют собой высказывания инициатором собственного мнения собеседнику, которое основывается на своём видении конкретной ситуации взаимодействия с одновременным предложением (или советом, рекомендацией, в зависимости от ситуации) ему сделать что-то или не делать чего-то, что находится за пределами коммуникативной ситуации.

Известно, что практикующие консультанты предпочитают вместо слова «совет» использовать термин «профессиональная рекомендация», которая в своём функционально-семантическом предназначении является своего рода заключением, вытекающим, как правило, из необходимости определения проблемы и анализа её основных компонентов и продиктованным не только ожиданиями и потребностями собеседника, но и существующими перспективными возможностями, ограничениями, в том числе и самоограничениями. Такое предпочтение обусловлено тем, что в психотерапевтической мелодийной интеракции совет есть интерактивный шаг со стороны инициатора в виде высказывания клиенту-адресату собственного мнения, основанного на своём личном видении ситуации и некатегоричного предложения собеседнику чего-либо, что тот может принять, а может и не принимать [3]. В манифестационном плане советы-предложения оформляются в виде повествовательных конструкций, например: «*Я хотел бы предложить вам ...*»; «*Полагаю, (что) наши беседы (обсуждения, разговоры)...*».

Являясь директивными по своей коммуникативно-прагматической направленности, техники «совет» и «рекомендация» базируются на личном опыте автора-инициатора, его субъективном

чувстве «правильности», что может ассоциироваться с «инзистивными речевыми актами, включающими «настаивание» на наличном мнении, «навязывание» собственной точки зрения, «инструктирование» [8; 9; 22]. Поэтому при использовании тактик совета и рекомендации важно учитывать, что их функционально-семантические особенности могут вызывать негативную реакцию адресата и иметь негативные последствия. Даже в случае настойчивой просьбы собеседника дать совет инициатору следует помнить об этой специфике названных техник и о своей ответственности за успешную и продуктивную реализацию мелодийного воздействия.

Особенно осторожным нужно быть при использовании конструкций совета / предложения, совета / рекомендации, выраженных в форме «*На вашем месте я бы ...*», «*В этой ситуации я бы ...*», так как они очень тесно граничат с содержанием высказываний, в которых отражается личный интерес инициатора, т.е. человека, как бы дающего готовую подсказку. Существует опасность, что адресат может воспринимать и идентифицировать совет инициатора со своей личной позицией, не проводя четких различий (границ) между собственным восприятием и собственными возможностями и позицией автора-инициатора.

Действительно, утрата четких границ такого разграничения нередко позволяет трансформировать семантику указанных конструкций в директивную форму «инзистивных указаний» типа «*В этой ситуации, я думаю* (т.е. читается как «настаиваю», «рекомендую»), *Вы должны поступить именно таким образом*» или «*В этой ситуации вы должны вести себя так-то*». В этом плане для адресата такая директивность носит оттенок принудительности к действию, потому что для него побудительность может ассоциироваться с проекцией собственных взглядов автора, его ценностей, потребностей и способов поведения, которым в рамках терапевтического сценария должно следовать.

Тем не менее советы в косвенной (замаскированной, не в прямой) форме в виде других терапевтических вмешательств (например, «вопрос», «конфронтация», «суммирование» и другие техники) могут играть положительную роль в сочетании с конкретными примерами из жизни. Кроме того, советы в определенных обстоятельствах могут оказаться более эффективными по сравнению с другими терапевтическими практиками, например, в кризисных ситуациях из-за своей доверительности и близости контакта между собеседниками, так как советы дают близким людям и тем, кто нуждается в них.

3.5. Применение комплексной техники «убеждение» в мелодийной психотерапевтической интеракции направлено на выработку у адресата-собеседника прочно сложившегося мнения и

принятия им авторитетной точки зрения (уверенного взгляда) на различные психические процессы (идеи, эмоции, впечатления, видения, оценки, действия, поведение и т.п.) и явления окружающей действительности.

Как правило, процесс убеждения – комплексный процесс. Он осуществляется с учётом позиции, мнения, возражений адресата, которые инициатор стремится преодолеть (снять) с помощью личного влияния, убедительного и эффективного аргументирования, оспаривания, доказательств и других интерактивно-возможных вербальных процедур [13].

Нередко в специальной литературе встречаются мнения о том, что тактика **убеждения** тесным образом переплетается с процессом **внушения**, под которым понимается «индуцирование терапевтом (индивидуумом в авторитетной позиции) идей, эмоций, действий и т. п., т. е., различных психических процессов у пациента (индивидуума в зависимой позиции) без учета рациональной оценки последнего ... Внушение направлено на непосредственное изменение, в основе которого лежит индуцирование веры, будь то вера в отрицание (например, исчезновение симптомов) или вера в появление (например, индуцирование желаемой установки)» [1].

Также отмечается, что провести «чёткое различие между внушением и убеждением не так легко», как это может показаться на первый взгляд. Обычно предполагается, что убеждение и внушение проявляются в консультировании и психотерапии с самого начала, так как они каузируют (причиняют) оптимизм у адресата относительно его потенциала для прогресса. Несмотря на то, что в процессе интерактивного взаимодействия автор-инициатор мало что может гарантировать, тем не менее адресат откликается на них с надеждой на улучшение, на выход из тупиковой ситуации.

Представляется, что убеждение в более щадящем режиме подходит к проявлению болезненных переживаний адресата, потому что убеждение постепенно, в процессе тесного взаимодействия, «сотраотничества», обговаривания и проговаривания между инициатором и партнером-собеседником постепенно, шаг за шагом (аргумент за аргументом, довод против контрдовода) помогает не только переживать такие состояния, но и преодолевать их.

Комплексная техника убеждения реализуется для различных целей и посредством множества вербальных способов. Так, например, для облегчения эмоционального выражения и переживания комплексная техника «убеждения» может подаваться адресату в виде высказываний-советов, подсказок: *«У Вас есть право / Вы имеете право испытывать (чувствовать) разочарование / грусть / печаль / обиду / несправедливость / негодование / возмущение / протест!»*. Для того

чтобы преодолеть сопротивление собеседника, обратившегося за помощью под влиянием общественного или личного окружения, обстоятельств или осознания невозможности найти самостоятельно выход из конкретной ситуации, используются комплексные коммуникативные конструкты, включающие в свою структуру, например, дескриптивные высказывания: *«Я понимаю, что вы здесь не по собственной воле (по необходимости). Однако вряд ли найдётся человек, у которого нет никаких проблем»* – и директивные советы и рекомендации: *«Может быть, стоит подумать о том, как, несмотря ни на что, использовать это время продуктивно / как, несмотря ни на что, достойно выйти из этого положения / подумать о пути, который Вам принесет облегчение»*. Для этих целей могут привлекаться также стратегии утешения [14, с. 69-77; 15; 16], в то время как для продуцирования, например, сновидений можно использовать и убеждение: *«Ложась спать, Вы можете подумать о том, что хотите его запомнить и это, скорее всего, произойдет»* – и внушение: *«Если, ложась спать, Вы подумаете о том, что хотите запомнить сновидение, это, скорее всего / обязательно / непременно произойдёт / случится»*.

Общая схема соотношения стратегии-3 и техник её реализации представлена в следующем виде:

4. Стратегия–4 (выработка у адресата принятия плюралистического образа своего Я), направленная в первую очередь на осознание возможности метафоричного многообразия личностного Я в сфере многоконтекстного бытия с целью свободы выражения его составляющих, когда человек сможет осознанно разрешить себе выступать (или чередовать свои выступления) в различных ролевых позициях, например в одно время в роли *родителя, воспитателя*, в другое – в роли *дителя*, в роли серьёзного и безалаберного, дающего и получающего, или в роли активного и пассивного (ср. ролевые игры и трансактные формы поведения у Э. Бёрна).

Для реализации стратегии–4 в мелодийном консультировании и психотерапевтическом взаимодействии широко используется целый ряд типовых техник, среди которых наиболее частотными являются

техники *интерпретации, информирования, обратной связи, парадоксальной реакции.*

4.1. Функциональная специфика применения техники «*интерпретация*» в мелодийной психотерапии и консультировании была подробно описана выше в разделе **3.2**. Поэтому, не повторяясь, можно перейти к описанию функционально-семантических характеристик следующих тактик.

4.2. Функционально-семантическая специфика техники «*информирование*» в психологическом консультировании и мелодийной психотерапии обусловлена её целевой предназначённостью информировать (предоставлять информацию) в форме объяснений, изложения фактов, мнений, сообщений либо по личной инициативе автора (т.е. по собственной воле консультанта), либо в ответ на вопросы своего адресата.

Очевидно, что названная техника используется в тех ситуациях, в которых возникает запрос на какую-то информацию или существует потребность ответа на волнующие собеседника вопросы. Поскольку значительное количество жизненных проблем является следствием недостатка знания или результатом неверной информации, клиент-адресат, желая найти ответы на волнующие его вопросы, ищет какие-либо подробности и просит инициатора предоставить ему ту или иную информацию.

Желание адресата иметь исчерпывающую (т.е. нужную, достаточную, искомую) для себя информацию есть для него реальная потребность, которую автор-инициатор может помочь реализовать в мелодийном и консультационном взаимодействии, даже если клиент-адресат в эксплицитной форме не просит поделиться знаниями об этом.

Тем не менее при работе с техникой информирования автор-инициатор должен отдавать себе отчет о том, кому и какого рода информацию он может предоставить. Одним словом, автору-инициатору следует давать ту информацию, которая находится в его компетенции. Поэтому к запросам собеседника на получение информации следует относиться не только с вниманием, уважением, но и осторожностью. Очевидно, что может возникать отказ на предоставление какого-то вида информации, но такой отказ должен быть хорошо обоснованным и не вызывать каких-либо возражений и недомолвок.

Внимания со стороны автора-инициатора требуют не только эксплицитные вопросы и запросы, но и вопросы, которые могут быть представлены в форме замаскированных выражений, истинной целью которых является выяснение за формой вопросов скрытых тревог, страхов, опасений или желаний и ожиданий.

4.3. Использование автором-инициатором тактики **«парадоксальная реакция»** ставит своей целью создание в виде призыва к альтернативному восприятию адресатом ситуации или способу реагирования на неё. Призывы, которые автор-инициатор адресует своему собеседнику альтернативно воспринимать ситуации или способы реагирования на них, также могут быть обусловлены предложением автора совместно создать необычную перспективу, которая касается или же будет касаться их прямо противоположному очевидному и рациональному «прочтению».

Манифестационно описываемая тактика используется в мелодийном воздействии как предложение, оформленное в виде вопроса: *«А почему бы и не ...?»*. Вопросительная формулировка предложения позволяет собеседнику интерпретировать его в качестве импульса к размышлению или же рассматривать такой вопрос в качестве стимула к открытому и свободному выражению своих собственных чувств, реакций и эмоций. Позитивная интерпретация своей реакции и последовательная трактовка своего собственного поведения в не критичных тонах и выражениях способны оказать для адресата эффективным средством изменения своих ригидных убеждений.

В целях усиления позитивной интерпретации реакции адресата Д. Энрайт (1994) предлагает использовать технику **«бархатный каток»**, которая на практике является парадоксальной по своей сути и стимулирует адресата рассматривать собственную реакцию с юмористической оценкой. Автор отмечает, что данная техника наиболее эффективна в работе с клиентами, которым свойственно упорное негативное восприятие себя.

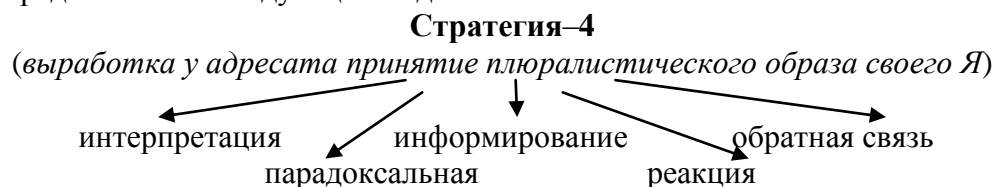
Отмечено, что широкое применение парадокса и юмора в качестве средства психологического вмешательства в психотерапевтической и консультационной интеракции способствует альтернативному восприятию различных ситуаций. Рассуждая о роли и возможностях юмора в психотерапии Виктор Франкл утверждает, что юмор даёт человеку возможность занять дистанцию по отношению к чему угодно, в том числе и к самому себе, и обрести тем самым контроль над собой.

4.4. **«Обратная связь»** как технический приём реализации стратегии-4 представляет собой описание поведения своего собеседника, которое помогает ему узнать реакцию других на его поведение и их персональное восприятие личности адресата. В этом плане техника «обратная связь» рассматривается как один из способов помочь адресату задуматься над коррекцией своего поведения, своих установок, своих взглядов и оценок.

«Обратная связь» как психотерапевтическая и консультативная техника обладает рядом преимуществ перед другими, например директивными, практиками тактического порядка. *Во-первых*, она дескриптивна (описательна) по своему характеру и не содержит прямую оценку поведения адресату. Эта функциональная особенность названной практики даёт адресату свободу выбора в способе реагирования на своё поведение и на оценка. Избегая оценок и нейтрализуя тем самым противодействие своего собеседника, автор-инициатор как бы поощряет самостоятельность адресата в поиске широты такого выбора, таким образом значительно уменьшается его потребность защищаться и оправдываться.

Во-вторых, представленная в виде дескриптивных высказываний конкретная информация о нюансах поведения адресата важна для адресата тем, чтобы не только обратить его внимание на них, но и стимулировать его к их анализу. *В-третьих*, обратная связь как психотехника обращена к тем особенностям и аспектам поведения адресата, которые в данный момент интеракции значимы для него и с которыми он способен и может что-либо сделать. Эксплицитные указания на явные недостатки адресата, которые могут оставаться вне контроля и оценки, способствуют его фрустрации. И, *в-четвертых*, обратная связь наиболее эффективна тогда, когда она осуществляется своевременно, т. е. когда она выражается сразу после той или иной реакции собеседника.

Общая схема соотношения стратегии-4 и техник её реализации представлена в следующем виде:

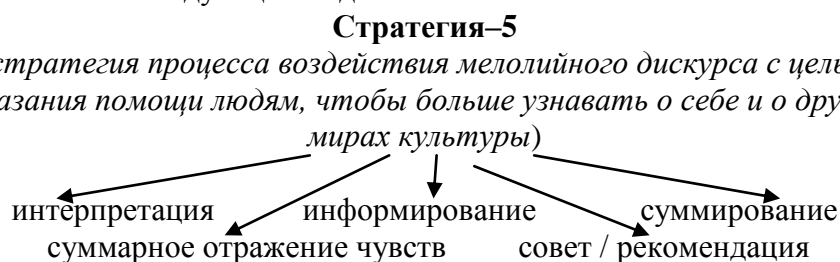

5. Стратегия – 5 (стратегия процесса воздействия мелодийного дискурса с целью оказания помощи людям, чтобы больше узнавать о себе и о других мирах культуры) способствует приобретению знаний о социальных нормах и образе жизни других, в частности о специфике вербального и невербального поведения представителей другого пола, возраста, социального статуса, субкультурной принадлежности, сексуальной ориентации, веры и духовной жизни и т.п., чтобы понять чужое мировоззрение с точки зрения настоящего и будущего.

Для реализации названной стратегии в мелодийной и консультативной интеракции используются разнообразные техники, среди которых наибольшей частотностью выделяются такие психотерапевтические практики, как «интерпретация»,

«информирование», «суммирование», «суммарное отражение чувств», «совет / рекомендация».

Общая схема соотношения стратегии–5 и техник её реализации представлена в следующем виде:

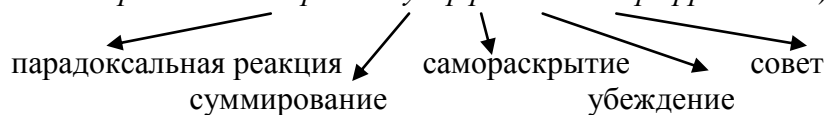
6. Стратегия–6 (поиск путей и направлений комбинационного стратегического «удара» (стратегического комплекса) с целью формирования личностной установки адресата на выработку эффективного рефрейминга) призвана предложить «эkleктический» (т.е. спонтанный, не обусловленный прямо) подход к оценке существующего (имеющегося) набора различных интересов, слабостей, преимуществ, влияющих на выбор конкретных шагов адресата по ступеням духовного преобразования (подробнее о стратегическом комбинировании или «стратегическом ударе» см.: [3; 4, с. 113-114]).

В процессе мелодийной интеракции для автора-инициатора важен подбор как самого мелодийного тематического континуума, например концертных программ «Откройте душу для добра», «Сказание о счастье», «Ангел покаяния» или «Слово жизни», так вербальных средств межтематического коннективного сопряжения в виде «типовых коннекторов и метаконнекторов» [4; 11; 12]. Возможность вариативного выбора между смежными темами мелодийного континуума и их интенциональная направленность отражается в функционально-семантических свойствах следующих психотерапевтических техник «парадоксальной реакции», «самораскрытия», «совета», «суммирования», «убеждения».

Общая схема соотношения стратегии–6 и техник её реализации представлена в следующем виде:

Стратегия–6

(поиск путей и направлений комбинационного стратегического «удара» или стратегического комплекса с целью формирования личностной установки адресата на выработку эффективного рефрейминга)

7. Стратегия–7 (направлять действия собеседника на развитие в себе способности к метапознанию, т. е. мышлению о мышлении) используется инициатором мелодийной психотерапевтической и консультативной интеракций не для выработки у собеседника (адресата, пациента, слушателя, участника) по мелодийному взаимодействию каких-то (например, устойчивых, автоматических) навыков в оценке или реакции на соответствующие стимулы, а для того, чтобы научить адресата определенным навыкам интерпретации, понимания и осознания тех моментов проблемной ситуации, которые препятствуют его продвижению по ступеням духовного саморазвития и восхождения по Лестнице.

Первоочередная задача такой стратегии – направленность мелодийного воздействия на смягчение симптомов, вносящих неуверенность, пассивность, расстройства, переживания и страхи, связанные с (сверх-)чувствительным Я, выступающим в одном случае как эго-осторожность, а в другом – как эго-вовлеченность, оставаясь в любом случае «пленником» индивидуального Я, потакающим им (эго-расстроенное и эго-подавленное).

Для реализации этой задачи используются такие психотерапевтические техники, как «обратная связь», «рекомендации», «самораскрытие», «совет», «убеждение».

Общая схема соотношения стратегии–7 и техник её реализации представлена в следующем виде:

Стратегия–7

(направлять действия собеседника на развитие в себе способности к метапознанию, т.е. мышлению о мышлении)

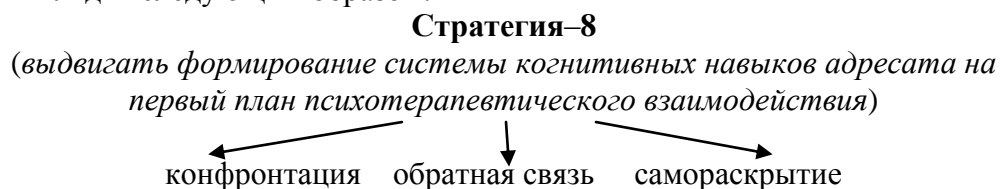

8. Использование стратегии–8 ставит перед инициатором основную задачу: выдвигать формирование системы когнитивных навыков адресата на первый план психотерапевтического взаимодействия. Первоочередная задача данной стратегии сводится не только и не столько к выработке у адресата большого числа

организационных навыков работы над собой, сколько для формирования у него навыков «гибкости» ума, так как духовная работа над собой является сегодня одной из актуальных задач современности. Такая задача становится полезной и в других условиях, когда человеку необходимы навыки, чтобы варьировать угол своего зрения в соответствии с возрастающими требованиями сегодняшнего времени, запросами и вызовами стремительно меняющегося мира. Следовательно, формирование системы когнитивных навыков индивида, подготовка его к адаптации к ним и экологически эффективному применению [21] должны быть в постоянном поле зрения инициатора мелодийной психотерапии.

Реализация стратегии–8 в психотерапевтической и консультативной практике обуславливает применение таких наиболее универсальных для социально-духовного конструирования человека технических приёмов, как «конфронтация», «обратная связь», «самораскрытие».

Общая схема соотношения стратегии–8 и техник её реализации выглядит следующим образом:

Итак, применение в психотерапевтическом мелодийном и консультативном взаимодействии тех или иных технических приёмов (также: тактик, практик, «психологических вмешательств», техник) обусловлено их семантическими и функциональными особенностями, которые соответствуют задачам конкретной стратегии самопредъявления или самопрезентации.

Стратегия в мелодийной психотерапии и консультировании представляет собой некоторые поведенческие акты участников (автора-инициатора, автора-исполнителя и адресата-клиента) такого взаимодействия. Вместе с тем разделенные во времени и пространстве эти акты образуют некую дискурсивную целостность (мелодийное дискурсивное образование) в соответствии с их тактическим самопредъявлением (самопрезентацией), то есть в соответствии с определенным приёмом (или приёмами), с помощью которого (или которых) и реализуется выбранная стратегия.

Поэтому любая из выделенных в актах мелодийного взаимодействия стратегий может рассматриваться как стратегия самопредъявления либо автора, либо адресата. Вследствие этого тактики, участвующие в их реализации, являются тактиками

самопредъявления (самопрезентации), овладение которыми, как показал проведённый анализ, позволяет каждому из участников мелодийного и консультативного взаимодействия не только видеть и опознавать эти тактики (техники, приёмы, «вмешательства») в поведении друг друга, но и фиксировать их коммуникативно-функциональную (иллюкативную) направленность и предназначённость.

Очевидно, что любая из восьми выделенных (выбранных) стратегий самопредъявления (самопрезентации) может включать в себя множество (набор) отдельных тактик реализации такой стратегии. Вместе с тем каждая из таких тактик самопрезентации является кратковременным явлением и направлена на создание желаемого впечатления (своего образа) на собеседника в конкретной жизненной ситуации вообще и в конкретной ситуации психотерапевтического воздействия и взаимодействия. Поэтому описание такого набора тактик реализации стратегий самопрезентации в мелодийной дискурсии позволяет выявить целый ряд процессов, из которых складывается терапевтическое взаимодействие и воздействие в рамках мелодийной дискурсии, и даёт возможность проанализировать их характеристики. Тем самым оказывается возможным зафиксировать наличие «рабочего» тактико-стратегического инструментария для категоризации реакций участников мелодийной психотерапевтической интеракции, при помощи которого осуществляется *психотехнический анализ* процесса мелодийного воздействия как стартового начала (точки каузативного отсчёта) реализации уровневой модели самопредъявления личности и её духовного «перестраивания». Тем не менее важно учесть, что в зависимости от объёма и интенсивной глубины воздействия одни и те же тактики могут быть приложимы к разным стратегиям, что позволяет инициатору осуществлять варьирование тактическими приемами в процессе мелодийной психотерапии.

Выделенный тактико-стратегический ресурс реализации уровневой модели мелодийного воздействия раскрывает в ней систему присовокупления тактико-стратегических операций в «самосконструированных горизонтах времени» (в духе идей «самописания» и «аутопоззиса» Ф. Варелы, У. Матураны, С.С. Хоружего) типового сценария, что позволяет этой регулятивной системе обращаться к её собственному информационному состоянию при помощи корректировки (сверке) собеседниками друг друга, т. е. при помощи использования инициатором и адресатом регулятивов как синергичных единиц в своих реактивных и инициативных действиях в виде тех или иных тактико-стратегических операций (регулятивных шагах и ходах). Такая аутопозитическая сверка (аутосверка, самопредъявление) даёт возможность снова и снова порождать новые данные или знания (т. е. информировать, предоставлять известия,

новости, сигналы) об изменениях сценарного взаимодействия, реагировать на возникающие сюрпризы в поведении участников мелодийного взаимодействия (отклонения, расхождения, рассогласования) и корректировать появляющиеся оценки и информационные ценности. Вскрывающиеся при этом вопросы мелодийного взаимодействия отражают не только проблемную ситуацию применения тех или иных тактических приёмов в сценарии конкретного взаимодействия, но также затрагивают вопросы общественного плана, побуждая интерактантов к поиску ответов на комплексный вопрос, что представляет собой общество, в котором именно таким образом увязаны проблемы личности и социума и которое данными приёмами (стратегиями и тактиками) описывает (предъявляет) себя и свой мир.

Поэтому тактико-стратегический ресурс реализации уровневой модели мелодийного воздействия можно считать одним из методов когнитивного реструктурирования, при помощи которого удаётся иначе взглянуть на проблему взаимоотношения себя и социума, т.е. «перепрограммировать», «реструктурировать ситуацию» или «осуществить её рефрейминг» [2, с. 15] принципиально новым образом, рассматривая её как некий вызов или возможность учиться преодолевать препятствия, учитывая при этом, что реальные изменения отражаются *не только* в изменении образа мысли, но и в изменении того, как проблема реально представлена на уровне тела. «Является ли данное высказывание, интерпретация, когнитивное реструктурирование или любая другая форма символического выражения *реальным шагом по направлению* к тому, как именно проблема переживается на соматическом уровне» [2, с. 16], зависит от успешной реализации конкретной стратегии с использованием того или иного тактического (технического) приёма или «вмешательства».

Предпринятое описание показало, что формирование типологии техник является весьма непростой задачей, поскольку достаточно редко встречаются случаи проявления однозначного соответствия между конкретной стратегией и техникой как инструментом её реализации. В предлагаемой работе осуществлен лишь первый шаг, а именно на основе выбора и систематического изложения описанных в литературе техник сделана попытка определения и описания возможных или наиболее частотных в практической деятельности техник. Обозначенный в результате описания набор техник не окончателен, поскольку ещё предстоит рассмотреть дальнейшие варианты соотношения «стратегия – техника/набор техник», чтобы более чётко определить функции и границы каждой из них. Представляется, что решение этой задачи позволит выйти на проблему иного, более высокого порядка, а именно: попытаться установить возможные

типовые соотношения на уровне «стратегия–тактика» для изучения конкретных типовых мелодийных интеракций (сессий). Ибо анализ записей реальных сессий может дать ответ, в какой степени определенный набор техник как вмешательств отражает возникающие реалии взаимодействия и насколько такой набор пригоден для психотехнического описания того, что приносит инициатор (психотерапевт, суггестор) в процесс психотерапевтического взаимодействия, и, главное, каким именно образом проявляются изменения в собеседнике (клиенте, адресате, пациенте).

Список литературы

1. Бибринг Э. Психоанализ и динамическая психотерапия // Психоаналитический вестник. 1999. № 2 (8). С. 117–133.
2. Джендлин Ю. Фокусирование: новый психотерапевтический метод работы с переживаниями / пер. с англ. А.С. Ригина. М.: Независимая фирма "Класс", 2000. 448 с.
3. Романов А.А. Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб: дис. ... канд. филол. наук. Калинин: КГУ, 1982. 168 с.; он же: Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. М.: ИЯ РАН, 2005. 153 с.
4. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
5. Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь: Фамилия, 1995. 238 с.
6. Романов А.А. Эмотивный «заряд» мелодийной проповеди в медийных условиях // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посв. 75-летию проф. В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2013. С. 236–246.
7. Романов А.А. Стратегическая разновидность мелодийного воздействия в психотерапевтической коммуникации // Вестн. ТвГУ. Сер. «Педагогика и психология». 2014. № 3. С. 29–52.
8. Романов А.А., Агамалиева И.Д. Коммуникативный статус инструктивных регулятивных актов // Методы активизации учебного процесса и практической подготовки студентов в современных условиях: материалы 17-й научн.-метод. конф. Тверь: ТГСХА, 2000. С. 205–208.
9. Романов А.А., Агамалиева И.Д. Типология инструктивных регулятивных актов // Проблемы психолингвистики и теорий коммуникации: материалы 2-й междунар. конф., ноябрь 2000 г., г. Кривой Рог, Украина. Киев: Изд-во Европейского ун-та финансов, информационных систем, менеджмента и бизнеса, 2000а. С. 67–71.
10. Романов А.А., Малышева Е.В. Аффективный «заряд» тактильных действий в социальной интеракции // Вестн. ТвГУ. Сер. «Педагогика и психология». 2013. № 11. С. 33–41.
11. Романов А.А., Малышева Е.В. Вербальная и тактильная системы как комплексный фреймовый композит // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2014. № 1. С. 1–4. URL: <http://tverlingua.ru>
12. Романов А.А., Малышева Е.В. Тактильные коннекторы фазовой последовательности диалога как переводческий посредник // Язык, коммуникация и социальная среда: Ежегодное научное издание / под ред. В.Б. Кашкина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т; НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014а. Вып. 12. С. 139–150.

13. Романов А.А., Морозова О.Н., Романова Л.А., Новоселова О.В., Мальшева Е.В. Терминологический глоссарий по практической риторике и искусству ведения дебатов / под ред. А.А. Романова. Тверь: Тверская ГСХА, 2014. 181 с.
14. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: лингвopsихологический анализ. М.: Ин-т языкознания РАН, ТГСХА, 2006. 144 с.
15. Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Когнитивная основа психотерапевтической коммуникации: синергетический подход // Актуальные проблемы психологии труда. Тверь: ТвГУ, 2006. Т. 3. С. 57–63.
16. Романов А.А., Немец Н.Г., Романова Л.А. Дискурсивные практики утешения как конструкторы сферы «Я» утешаемого в жизненных сценариях // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки «Акмеология образования». 2006. Т. 12, № 4. С. 96–99.
17. Романов А.А., Романова Л.А. Роль эмоционально- прагматического компонента в структуре взаимодействующего механизма информационного послания мелодийной проповеди // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы IV Международ. науч. конф. Краснодар: КубГУ, 2013а. С. 29–30.
18. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. Москва-Тверь: Ин-т языкознания РАН, ТИПЛ и МК, 2014. 163 с.
19. Романов А.А., Ульянич Г.А. Дискурсивная природа музыкальной проповеди // Проблемы совершенства образовательного процесса в вузе в связи с переходом на новые образовательные стандарты: сб. науч.-метод. тр. по материалам XXII Всероссийск. науч.-метод. конф. Тверь: ТГСХА, 2012. С. 166–169.
20. Романов А.А., Ульянич Г.А. Синергические основы музыкальной проповеди как духовной практики // Вестн. ТвГУ. Сер. «Педагогика и психология». 2012а. № 22. С. 281–291.
21. Энрайт Д. Гештальт, ведущий к просветлению. СПб: Центр гуманистических технологий «Человек», 1996. 416 с.
22. Romanov A.A., Vitlinskaja T.D. Ritual Characteristics of the Communicative Regulative Insistence Act // Mythen, Riten, Simulakra. Semiotische Perspektiven: 10. Internationales Symposium der Österreichischen Gesellschaft für Semiotik mit 7. Österreichisch-Ungarisches Semio-Philosophisches Kolloquium 8-10.12.2000. Abstracts. Wien: ÖGS/ISSS, 2000. S. 64–65.

**TACTIC REALIZATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES
IN MELOLIVE PSYCHOTHERAPY
(The second article. Continuation)**

A.A. Romanov

Tver State Agricultural Academy

The article deals with the tactic realization of communicative strategies in melolive psychotherapy. Author concludes that the formation of the typology of techniques is very difficult because of quite rare instances of one correspondence between specific strategies and techniques as a tool for its realization.

Keywords: *communicative strategies, melolive psychotherapy, interaction, tactic, addressee*

Об авторе:

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (170904, г. Тверь, ул. Маршала Василевского, д. 7), e-mail: romanov_tgsha@mail.ru